

М.П. Мищенко

Многообещающий дебют

Гинтс Глинка. Имя латышского дирижера, который учился и некоторое время работал в Копенгагене, следует запомнить. Тридцатилетний музыкант провел многообещающий концерт в Большом зале Филармонии (1 ноября 2005).

Выразим горячее пожелание, чтобы обещание таланта было выполнено. Ведь в дирижерском мире слишком много блестательных жонглеров, много пустоты, которая пытается спрятаться за неумеренную рекламу или пустую риторику, и мало — состоявшихся личностей. Гинтс Глинка не имеет никакого отношения к рекламным высотам исполнительства. У него все основания для того, чтобы в скором времени о нем могли бы сказать: дирижер Божьей милостью. Вы сразу безошибочно видите и слышите, кто находится на подиуме. Дирижер с весьма разнообразным прикосновением к оркестру, от нежной пластики до решительных жестов воли. Доскональное знание партитуры, независимо от того, находится она перед глазами дирижера или нет. Четвертую симфонию Нильсена, труднейшее музыкальное целое, он провел наизусть так, как многие не сумеют глядя в текст. Симфония Нильсена вообще и Четвертая в частности — это материя неблагодарная, где единое и целое поддаются с трудом. Исполнитель Нильсена как никто другой должен быть Пигмалионом, чтобы вызвать из косной, мертвящей в нотных знаках материи живой дух, привести музыку в движение. Глинка выполнил нильсеновское motto Четвертой, носящей заголовок *Неугасимое*: «Музыка есть жизнь, и как таковая она неугасима». Именно этим выдающимся исполнением дирижер одержал победу над привычной оркестрантской броней, замешанной на презрении, ненависти, лености и невежестве.

Одно лишь мешает нам в данном случае безусловно признать дирижерский гений: боязнь, что живой дух творчества рано оставит зрелого мастера. Гинтс Глинка уже таковой, несмотря на молодость. Этим обстоятельством была вызвана наша осторожность в форме условного наклонения, когда шла речь об ожидании будущего. Напоследок поделимся мечтой, почти наверняка несбыточной, но обоснованной: пусть этот чудесный музыкант и дирижер развивается в направлении того гения, которого он так близко и, в то же время, отдаленно напоминает, — того, чья высокая тонкая фигура, чья потрясающая мелко разработанная техника, пронзительно глубокий взгляд осеняли Берлинский Филармонический.